

ФИЛОСОФИЯ

УДК 14:316.462

М.М. Кожаев, аспирант, (4872) 23-24-18,
erarot@rambler.ru, (Россия, Тула, ТулГУ)

ФИЛОСОФСКАЯ ДОКТРИНА САМОДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ ПРЕПОДОБНОГО ИОСИФА ВОЛОЦКОГО

Посвящена проблеме философского обоснования идеологии самодержавия в Московской Руси второй половины XV в. Излагается учение Иосифа Волоцкого о Божественном происхождении государственной власти, о границах властных полномочий царя и его ответственности перед подданными, раскрывается идеал древнерусского государя в рамках «симфонии» светской и духовной власти.

Ключевые слова: власть, самодержавие, историософия, «симфония» властей, деятельность властителя.

Вторая половина XV – начало XVI вв. – время формирования самодержавной идеологии Московской Руси, достигшей своего высшего воплощения в эпоху царствования Ивана IV. Однако предпосылки к теоретизации самодержавия как идеальной типа государственного правления, как богоустановленного института власти оформляются уже ко времени Ивана III.

Предпосылками к формированию философско-идеологических доктрин самодержавной власти конца XV в. являются следующие. Во-первых, военно-политические успехи Руси рассматриваемого периода позволили сформировать целостное представление о месте русского государства в мировой истории и о пределах великокняжеской власти. Во-вторых, объединительная политика Москвы и централизация великокняжеской власти требовала концептуальной апологии царской власти как гаранта сохранения целостности и процветания государства. Наконец, в-третьих, изменения в менталитете русского народа о представлениях о пределах царской власти происходят также в связи с внешнеполитическими событиями середины XV в. – Флорентийской унией 1439 г. и захватом Константинополя турками в 1453 г. Семиотик истории Б. А. Успенский проводит чёткую параллель между изменением в общественно-философском понимании вла-

сти в XV в. и Флорентийской унией: «Новый элемент в систему русских религиозно-политических представлений вносят Флорентийская уния и падении Византии, в результате которых Россия оказалась единственным православным государством... а русский великий князь – единственным независимым православным монархом... Таким образом, Россия занимает место Византии, а русский великий князь – место византийского василевса. Это открывает новые возможности для религиозного восприятия русского монарха» [1, с. 213]. И реализация этих «возможностей» происходит чрезвычайно быстро, уместаясь в хронологические рамки правления Ивана III.

В политическое сознание общества в конце XV в. стала внедряться имперская доктрина. С 1497 г. гербом российской монархии стал византийский герб – двуглавый орёл. Скромный церемониал московского двора уступил место пышным византийским ритуалам. Великий князь не довольствовался прежними титулами и стал называть себя «самодержцем» (этот титул был точным переводом византийского императорского титула «автократор»).

При этом, как отмечал В. О. Ключевский, примерно до конца XV в. ещё не было заметно следов того почитания, своего рода культа, которым впоследствии был окружён московский государь. Но уже при Иване III, а ещё более при Василии III верховная власть стала окружать себя тем загадочным ореолом, который так резко отделил московского государя от всего остального общества. Посол германского императора С. Герберштейн, посетивший Россию в 1517 г. при Василии Ивановиче, был поражён беспредельностью княжеской власти: царь, по словам посла, «имеет власть как над светскими, так и над духовными особами и свободно, по своему произволу, распоряжается жизнью и имуществом всех» [2, с. 176]. Сравнение с турецким султаном стало общим местом для иностранных писателей при характеристике власти московского государя.

Важно подчеркнуть, что государственность вообще не могла бы возникнуть и существовать без единой культуры, единого её ядра, пронизывающего и объединяющего специфические субкультурные общества. Основой же такой культуры, по убеждению исследователя российской ментальности В. С. Жидкова, является «национальная картина мира, которая в ту пору представляла мир иерархически ориентированным сверху вниз, от неба к земле. На вершине этой пирамиды находился Бог – творец всего сущего, а в земной иерархии ему соответствовал царь как руководитель государства. Отсюда понятно, заключает В. С. Жидков, преклонение перед носителем власти, на которого смотрели как на заместителя Бога на земле» [3, с. 153].

Как отмечает исследователь далее, «с вступлением на престол Ивана III начинается эпоха самодержавного правления московских государей. Многообразная по своим местным особенностям национальная картина

мира всё более складывалась как единое целое, но завершиться этому процессу суждено было лишь в XVI веке» [3, с. 152]. Перестав быть ханским данником и женившись на греческой принцессе, Иван III считал необходимым встроить в национальную картину мира образы царского величия, представить в ней самодержавие в образе опорного столпа общества. И Церковь стала важнейшим средством осуществления этих целей. Одним из основных идеологов и апологетов царской власти в Московской Руси рубежа XV – XVI вв. становится видный церковный деятель игумен Иосиф Волоцкий.

Преподобный Иосиф Волоцкий – личность знаковая в церковной истории XV – XVI веков. С его именем связаны самые знаменательные события в жизни русского государства и Церкви. В то же время, однако, до настоящего времени не утихают споры о роли Иосифа Волоцкого в государственной истории Московской Руси. Диапазон суждений о преподобном включает как мнение о пагубном влиянии стяжательства на судьбы русской духовной культуры, так и представление о преподобном как идеологе православного самодержавия Руси. Тем не менее преподобный Иосиф оставил значительный след в вопросе о соотношении земного и небесного в учении о власти, который будет прослеживаться не одно десятилетие после его смерти.

Характерно, что преподобный Иосиф Волоцкий – один из самых активных церковных иерархов рубежа XV – XVI вв., который принимает участие в важнейших общественно-политических процессах и дискуссиях современного ему общества. Поэтому важно проанализировать его деятельность в вопросах апологетики светской власти, признания её абсолютной богоустановленности и приоритета даже над церковной властью.

Действительно, Иосиф Волоцкий является одним из самых активных проповедников абсолютного авторитета великокняжеской власти и её неограниченности даже перед церковной властью. С представлением о Боге-Судии у преподобного Иосифа соединяется представление о Боге-Царе, в свою очередь вызывающее преклонение и священный страх. Сравнения Бога с царём и придворной службы с богослужением встречаются в Волоколамском уставе с особенным постоянством.

Преподобный Иосиф чётко сформулировал свой взгляд на происхождение власти государя и его взаимоотношения с подданными. Признавая необходимость повиновения подданных власти монарха, установленной Богом, Иосиф в то же время перечислял условия, делавшие такое подчинение недопустимым. Не надо повиноваться царю, писал Санин, если он имеет «над собою царствующие страсти и грехи, сребролюбие... лукавство и неправду, гордость и ярость, злейши же всех неверие и хулу», так как «такой царь не Божий слуга, но диавол и не царь есть, но мучитель» [4, с. 185].

В первый период своей деятельности, будучи не зависимым от великого князя, Иосиф Волоцкий отстаивает приоритет священства по отно-

шению к власти государей. В первых семи «Словах» своего основного труда «Просветитель» он учил, что царя надо почитать и слушаться: «Но так как цари властны над телом, а не над душою людей, то им следует воздавать честь царскую, а не божескую, повиноваться им «телесне, а не душевне». Более того, надо слушаться и почитать лишь царя благочестивого, правдивого. Если же царь подвержен скверным страстям и грехам, то такому царю-мучителю повиноваться не должно» [5, с. 108].

Это дало основание известному исследователю проблемы В. Вальденбергу утверждать, что, вопреки евангельскому учению, в «Просветителе» Иосифа Волоцкого не всякая власть от Бога, но бывает и от дьявола. И далее он приходит к выводу, что «иосифляне первые в русской литературе выставили учение о правомерности сопротивления государственной власти» [6, с. 228].

Более того, Иосиф Волоцкий в развитии своего учения о возможности неподчинения государственной власти не ограничивается только теоретизацией данного положения в своих трудах – он прямо выступает с жёстким осуждением государственной политики Ивана III. Причиной такого выступления стала расправа Ивана III со своими братьями в борьбе за престол ещё во время войны с Ордой. Иосиф, оплакав гибель удельных князей, обрушился на Ивана III с обличениями. «Игумен, – сообщает Р. Г. Скрынников, – уподобил великого князя Каину. Иван III, писал Санин, обновил «древнее каиново зло», так как по его вине древний род государев «яко лист уже увяде, яко цвет отпаде, яко свет златого светильника угасе и остави дом пуст» [7, с. 155]. Нападки Санина на великого князя обнаруживают истоки столкновения последнего с духовенством. Стремясь объединить страну и утвердить в ней единодержавие, Иван III слишком часто нарушал право («правду»), традицию и старину, покушался на имущество духовенства и вмешивался в чисто церковные дела» [7, с. 135]. Таким образом, формулируя представление о власти, её происхождении и полномочиях, Иосиф Волоцкий на начальном этапе выступал с резкой критикой тех проявлений государственной политики, которые не соответствовали идеалу православного государя.

Позже, перейдя под власть великого князя Московского, когда последний не без колебаний, но всё же выполнил требования Церкви о казни «жидовствующих еретиков», Иосиф Волоцкий смягчает свою позицию. К этому времени окончательно вырабатывается его теократическая теория абсолютной власти самодержца, освящённой Богом. Это дало основание советским историкам древнерусской философии рассматривать учение о власти преподобного Иосифа Волоцкого исключительно в качестве идеологической подпорки самодержавия.

Показательно, что именно со времени XV – XVI вв. в Московской Руси начинается традиция наименования царя «богом». Наиболее известно высказывание Иосифа Волоцкого, который, обращаясь к царям, пишет в

16-м слове «Просветителя»: «...бози бо есте и сынове Вышняго, блюдите-жеся, да не будет сынове гневу, да не изомрете яко человецы, и во пса место сведени будете во ад. Темже разумеите царие и князи, и бойтесь страха Вышняго: вашего бо ради спасения написах вам, да, Божию волю сотворите, примете от него милость: вас бо Бог, в себе место посади на престоле своем» [5, с. 179].

Вот как интерпретирует это место М. А. Дьяконов: «Цари оказываются не только слугами Божиими, избранными и посаженными на престоле Богом: они сами боги, подобные людям только естеством, властью же уподобляющиеся самому Богу. Это уже не теория Божественного происхождения царской власти, а чистое обожествление личности царя» [8, с. 99]. Мнение Дьяконова является достаточно характерным, чтобы говорить об устойчивом понимании абсолютистского характера власти в сознании русского народа.

Однако встречающиеся в древнерусских текстах наименования царя «богом» отнюдь не предполагает тождества между царём и Богом, какой-либо реальной общности между ними. «Речь идёт, – подчёркивает семиотик истории и культуры Б. А. Успенский, – только о параллелизме царя и Бога, и сам этот параллелизм лишь подчёркивает бесконечное различие между царём земным и Царём Небесным: и власть князя, и его право суда оказывались в этой перспективе вовсе не абсолютным, но делегированными от Бога на жёстких условиях, нарушение которых приводило к полному расподоблению властителя и Бога, к тому, что Бог отказывался от царя, осуждал его и низвергал» [1, с. 212]. Тем не менее характерен сам факт упоминания крупнейшим церковным иерархом царя как «бога», что свидетельствует об укоренённости идеи о Божественном происхождении власти в русской ментальности того времени.

Следует напомнить, что Русская Церковь всегда сотрудничала с государством в общественно-политической жизни русского общества, действовала с государством заодно. Даже когда государства, по существу, не было – во времена усобиц, начиная с XIII – XIV вв., Церковь выступала в качестве объединяющей силы. Но главное состояло в том, что Церковь всеми своими силами формировала и охраняла картину мира, ядром которой были единый Бог и царь-государь. В этом смысле Иосиф Волоцкий, в целом, продолжал традиционную линию церковно-государственных отношений на Руси и в представлениях о власти руководствовался образцами древнерусской общественно-политической мысли.

Однако в своём учении о пределах царской власти Иосиф Волоцкий выступает и как новатор, формулируя новый взгляд на предназначение царской власти в России. Следуя изречению Агапита, игумен провозгласил, что властью своей государь подобен «вышнему Богу». Государя русского, доказывал Санин, сам «Господь Бог устроил вседержитель во свое место и посадил на царском престоле... и всего православного христиан-

ства, всея Руския земля власть и попечение вручил ему» [5, с. 180]. Не только тесный союз с государством, но и подчинение Церкви великокняжеской власти – такой вывод с неизбежностью вытекал из разработанной Иосифом теории происхождения московского самодержавия.

В последнем, шестнадцатом «Слове» «Просветителя» Иосиф Волоцкий возвращается к обязанности государя хранить православие и благочестие, однако общая характеристика царской власти существенно меняется: «Царь убо естеством подобен есть всем человекам, властью же подобен вышнему Богу» [5, с. 183]. В этой интерпретации, как подчёркивает академик М. Дьяконов, царь несёт ответственность за пренебрежение к вере и порядку только перед Богом [см.: 8, с. 97, 101].

Таким образом, сформировался идеал теократической власти московских государей, то есть власти, поставленной и освящённой самим Богом. В этом контексте московский государь предстал безусловным и неограниченным повелителем над князьями удельными, «всея Руския земли государям государь». Этот идеал, безусловно, импонировал представителям самой власти, но он импонировал и народным массам, страдавшим более и непосредственно от своих местных феодалов и видевшим в царе заступника.

Идеи преподобного Иосифа Волоцкого о власти государства разработаны и сформулированы главным образом по византийским источникам и очень близки им. Божественный ореол, которым он окружает царствующую власть, прямо приводит его к признанию её абсолютности и неограниченности. «От царя и великого князя московского истекает всё: жизнь и благодать – всё вложено Богом в его руки» [цит. по: 9, с. 131], – пишет Иосиф Волоцкий Василию III.

Хотя преподобный Иосиф и считает в теории власть Церкви более высокой, чем власть государя, на практике эту последнюю он распространяет и на Церковь. У него царь оказывается главой и государства, и Церкви, высшим хранителем и защитником веры и Церкви. Забота государя о Церкви проявляется в особенности в том, что он всегда был «мстителем за Христа на еретиков». Нерадение о благе Церкви составляет в глазах преподобного одно из тяжчайших преступлений, в каких может провиниться государь, и оно на всю страну навлекает кару Божию. В одной личности государя Иосиф Волоцкий объединяет, таким образом, и духовную, и светскую власть. Государь, таким образом, является высшей церковной инстанцией, ему принадлежит право судить даже епископов. Преподобный Иосиф Волоцкий писал, что чтить царя велено божественными канонами, что с ним не смели бороться ни древние епископы, ни четыре патриарха, ни Папа Римский и что, если царь гневался на кого-либо из них, тот смиренно просил у него прощения, с кротостью и слезами.

Точка зрения преподобного Иосифа Волоцкого на отношения Церкви и государства приобретает особое значение потому, что она была свой-

ственна не только ему, но разделялась многими видными представителями духовенства и, кроме того, не случайно совпала по времени с эпохой объединения русского государства и образования новой формы монархического строя.

Подчеркнём, что в самодержавии находила удовлетворение потребность Иосифа Волоцкого в социальной дисциплине и богоответственности власти. Самодержавие, таким образом, не означает произвола, оно предполагает, что царь связан законом Божиим и заповедями, находясь, как все в мире, и Церковь в том числе, в служебном отношении к общественному порядку и к делу Божию.

Преподобный Иосиф, вероятно, излагал Ивану III также учение о том, что «царь... Божий слуга есть» [9, с. 131] и что это обязывает его к особому вниманию в защите святынь, в связи с распространением и борьбой с ересью жидовствующих. В обязанности государя, как их представляет Иосиф Волоцкий в связи с новым лжеучением, входит и стремление к «симфонии властей» – светской и церковной, основанной на их совместном религиозном служении и разделении конкретных обязанностей.

Тем не менее, важно понимать, что Иосиф Волоцкий, являясь крупнейшим идеологом и апологетом царской власти своего времени, никогда не оставался простым теоретиком. Свои идеи, излагавшиеся им в официальном диалоге с государем, находили своё реальное воплощение в жизни. В первую очередь это заключалось в той демонстрации Иосифа Волоцкого своей искренней преданности царской власти, когда основанный преподобным Волоколамский монастырь фактически выполнял иллюстративную функцию исполнителя воли царской власти на церковном уровне. Будучи игуменом Волоколамской обители, преподобный Иосиф всегда стремился подчеркнуть, что деятельность его монастыря имеет ярко выраженный социальный характер, что монастырь в каком-то смысле является инструментом государственной заботы о населении. Такая позиция отражалась в широком благотворительном характере обители Иосифа Волоцкого.

Уместно сказать, что основанный преподобным Иосифом монастырь становится крупным землевладением со своим обширным хозяйством. При этом как таковая в нём отсутствует монашеская собственность, вместо этого обитель включается в активную поддержку окружающих поселений. Богатство Волоколамского монастыря говорит об административном умении преподобного. Однако невозможно обвинить его в скупости, так как он копил, чтобы раздавать и помогать ближнему. Значительная часть монастырских средств выделяется им на благотворительность – «нищим, странным и мимоходящим давати и кормити». Такая широта взглядов в социальной области выражается также в экономической помощи, которую он оказывает крестьянам. Являясь как бы посредником между государем и местной аристократией, Иосиф Волоцкий выполняет в неко-

тором роде функцию надзора за справедливостью в области отношения местных князей к подчинённому населению.

Однако активная вовлечённость Иосифа Волоцкого в общественно-политические процессы не вызвала абсолютной поддержки в церковной среде и даже стала причиной крупнейшего церковного спора своего времени. В истории общественно-политической мысли рубежа XV – XVI вв. особе место занимает полемика между «иосифлянами» и «нестяжателями» – представителями соответственно Иосифа Волоцкого и Нила Сорского. Последний видит свою задачу лишь в исправлении жизни монашества ради духовной жизни. Какая-либо деятельность на социальном поприще совершенно чужда отцу нестяжателей. Воззрения же преподобного Иосифа Волоцкого были существенно иными. Он считал, что можно прекрасно сочетать личное нестяжание монахов с богатством всего монастыря. Эти идеи он сумел воплотить в основанном им Успенском монастыре в Ламском Волоке.

В идейной борьбе конца XV в. возможно усмотреть важнейшей вопрос, касающийся будущих судеб государства: «Святая Русь» или теократия? Этот вопрос был в центре внимания богословско-историческо-социальной мысли XV – XVI вв. В ответе на него как раз и обозначились два противоположных направления – иосифлян и нестяжателей. Их духовные вожди своими учениями заложили два указанных выше исторических архетипа развития русской государственности.

Преподобный Нил Сорский главным грехом считает «стяжание», то есть присвоение плодов чужого труда. Уход из мира предполагает полное невмешательство в мирские дела. Тем не менее, ведя строго аскетическую жизнь и проповедуя уход из мира и непротивление злу, Нил Сорский оказался в центре духовной жизни страны. По мысли преподобного Нила Сорского, полное личное и коллективное нестяжание должно резко повысить духовный уровень Церкви, служители которой имеют нравственный, а не канонический авторитет. Такая старческая, нравственно безупречная, молитвенная, вобравшая в себя и древнюю традицию пустынножительства и новые веяния исихазма, Церковь должна стать подлинной духовной водительницей людей всех сословий – от крестьянина до великого князя.

Иначе себе представляет Церковь преподобный Иосиф Волоцкий. Церковь имеет большие материальные средства, а значит – независима от государства, хотя и тесно сотрудничает с ним в рамках «симфонии». Дисциплина в Церкви должна быть жёсткой, епископат – сильным, со множеством богатых монастырей. Церковь должна стремиться и к высокой духовности, и к широкой благотворительности – такая Церковь, по мысли Иосифа, должна быть не только духовным вождем народа, но и социально-образующей силой русского государства.

Обобщая исход великого противостояния заволжских старцев и иосифлян, в свете перспектив исторического развития, А. В. Карташёв при-

ходит к выводу, представляющемуся достаточно аргументированным. «Словом, – пишет историк, – если не диктовать древней русской истории современных нам оценок и программ, а признать органически неизбежным генеральный ход её по безошибочному инстинкту биологического самоутверждения... то надо нам... пересмотреть банальное, пресное, гуманистическое определение идеологии и поведения «заволжцев» и признать творческую заслугу величественного опыта воспитания и сублимации московско-имперского идеала, как созидательной формы и оболочки высочайшей в христианской (а потому и всемирной) истории путеводной звезды – Третьего и Последнего Рима» [10, с. 414-415]. Таким образом, концепция Иосифа Волоцкого представляется не конкретно-исторической реакцией на вызовы времени в области каких-то узкоэкономических проблем, а цельной идеологической программой, которая в свою очередь ложится в основу более поздних теорий и становится прямым предшественником идеологии российской империализма.

Соборным решением 1503 г. во многом пресеклись два благодатных направления – молитвенно-созерцательное и социально-деятельное, направления вовсе не противоположно-альтернативные, синтез которых позволил бы поставить церковное строительство на подлинно христианскую основу. Теперь же остались две силы – «иосифлянская» Церковь и государство, стремящиеся эти «стяжания» присвоить себе. И дальнейшая история во многом разворачивается как противоборство между этими силами, новый виток которого произойдёт уже в середине XVI в., на Стоглавом Соборе 1551 г.

История показала, что в результате идеологического противостояния идеал согласованности светской и церковной власти – происходящей из Византии «симфонии» – не только не был достигнут, но и уступил место глубокому вмешательству государства в дела Церкви. С деятельностью Иосифа Волоцкого в данном случае связывается формулировка идеологической платформы взаимоотношений Церкви и государства начала XVI в. Однако вряд ли преподобный Иосиф мог предполагать, что его доктрина приведёт к зарождению и развитию власти абсолютистской, доминирующей над всеми сторонами жизни общества, в том числе и над церковной.

Мысль Иосифа Волоцкого о необходимости осознания жизни народа как общего «Божия тягла» закономерно завершалась включением в это тягло и самого царя – лица, мистически объединяющего в себе религиозное единство общества. Государство представлялось Иосифу как реальный носитель мистического Тела Церкви. В том идеальном плане, который Иосиф Волоцкий надеялся увидеть воплощённым в результате деятельности государей Ивана III и Василия III, обладающая большими материальными средствами Церковь независима от государства, хотя и тесно сотрудничает с ним в рамках «симфонии». Церковь должна стремиться и к высокой духовности, и к широкой благотворительности – такая Церковь, по мысли

Иосифа, должна быть не только духовным вождем народа, но и социально-образующей силой русского государства. Поддержка церковными иерархами концепции Иосифа Волоцкого приведёт, как покажет история, к обратным результатам – самодержавная власть объявит себе господствующей над Церковью. Идеальный образ «симфонии» усилиями самой Церкви в лице Иосифа Волоцкого будет низведён до подчинённости последней государству.

Список литературы

1. Успенский Б.А. Избранные труды: в 2 т. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 603 с.
2. Герберштейн С. Записки о Московитских делах // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 152 - 301.
3. Жидков В.С., Соколов К.Б. Десять веков российской ментальности: картина мира и власть. М.: Алетейя, 2001. 640 с.
4. Послания Иосифа Волоцкого / подг. текста А.А. Зимина, Я.С. Лурье. М., Л.: Издательство АН СССР, 1959. 212 с.
5. Иосиф Волоцкий. Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих. М.: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1993. 212 с.
6. Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916. 284 с.
7. Скрынников Р.Г. Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX – XVII вв. С.-Пб.: Искусство–СПБ, 2000. 463с.
8. Дьяконов М. Власть московских государей. С.-Пб.: Издательский дом И.П. Сойкина, 1889. 234 с.
9. Зимин А.А. О политической доктрине Иосифа Волоцкого // Труды отдела древнерусской литературы. 1953. Т. 9. С. 128 - 140.
10. Карташёв А.В. Очерки по истории Русской Церкви: в 2 т. Т. 1. М.: Терра, 1992. 592 с.

M. Kozhaev.

The article is dedicated to problem philosophy apologetics of ideology autocracy in Moscow state in the second part of XV-th century. Joseph Volotskii uncovers the teaching about divine extraction of the state's power, limites fullness of king's power and his responsibility to citizens. In Joseph's works uncovers an ideal ancient-russian sovereign in traditional intelligence of the "symphony" secular and spiritual powers.

Keywords: the power, autocracy, historiosophy, «a symphony» of the authorities, activity of the master.

Получено 07.10.2010 г.